

**РОССИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(на примере Первой Санкт-Петербургской гимназии)**

2010 год объявлен в Российской Федерации Годом учителя. Люди, посвятившие свою жизнь преподаванию в школах, система подготовки учительских кадров, условия работы педагогов, поощрения за этот нелёгкий труд и другие важные вещи окажутся темами множества дискуссий. Среди прочих проблем наверняка возникнут и такие вопросы: А многое ли изменилось в профессии учителя по сравнению с прошлым? В правильном ли направлении происходило развитие? Без обсуждения этих тем не обойтись. Ведь без адекватного понимания того, что уже сделано, нельзя определиться, над чем работать дальше. Рассказ об учителях, выполнявших свой долг во второй половине XIX в., в этом свете представляется необходимым. Несомненно, сравнив педагога прошлого и педагога нынешнего, можно не только определить, что удалось достичь обществу в подготовке и развитии учителей, в обеспечении им соответствующих условий деятельности, но и выработать действенные меры по совершенствованию как среднего образования, так и педагогического.

Образование

Говоря о представителях какой-либо профессии, в первую очередь, следует упомянуть, каким требованиям должны соответствовать люди, желающие ею заняться.

* Выпускник факультета социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена 2009 г. станут, а учителями, в первую очередь, будут становиться выпускники этих университетов. В реальной практике так и было. В уставе 1828 г. приводились требования морального плана, о которых не говорилось в последующих уставах, видимо, как о вещах общеизвестных. «Учителя во время своего преподавания и вне классов, особливо в сношениях с учениками, обязаны не забывать важности своего звания, стараясь всегда по возможности действовать на юные души воспитанников, служа для них

Если рассматривать гимназических учителей второй половины XIX в., то на этот вопрос следует искать ответ, прежде всего, в тех гимназических уставах, которые действовали в указанный период, а таковых история отечественного образования насчитывает три. Они издавались в 1828, 1864, 1871 гг., и каждый последующий делал недействительным предыдущий, хотя при этом далеко не все статьи предшествовавшего закона претерпевали изменения. Устав 1828 г. не раскрывает тех требований относительно образования, которые предъявлялись к будущим преподавателям. Этот документ устанавливал, что гимназии подчинялись университетам. Согласно уставу, учителя определялись в гимназию тем университетом, в ведомстве которого она находилась, при этом оговаривалось, что преподаватель мог приготавливаться к этому званию в другом учебном округе. Быть может, о том, в чём же должна заключаться эта подготовка, в уставе 1828 г. не было сказано потому, что в это время мало кто в стране представлял, каким должно быть образование учителя и в каких именно учебных заведениях он должен его получить. Вполне возможно, что составители закона справедливо полагали, что раз уж человек должен определяться в гимназию университетом, то малообразованных людей даже и рассматривать не

примером благонаравия, трудолюбия... ревностного исполнения долга». Учителя должны иногда «быть снисходительными», особенно к недостатку способностей, «строгость наставников, подобно отеческой не должна иметь вида запальчивости... снисходительность его... не должна быть похожа на пристрастие». Закон, оговаривая обязательные моральные качества будущих учителей, оставлял самим университетам определять, чей образовательный уровень подходит для педагогической деятельности

в гимназиях, а чей нет. Для государства на тот момент особенно была важна благонадёжность педагога, а не его знания.

Согласно параграфу 26 устава гимназий и прогимназий 1864 г., попечитель учебного округа по собственному избранию или по представлению начальников учебных заведений определял в преподаватели наук и языков людей, имевших «одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и свидетельства о выслушании особого педагогического курса». При этом оговаривалось, что в учителя немецкого и французского языков до приготовления претендентов, окончивших высшее учебное заведение, могут быть определяемы «лица, не окончившие университетского курса, но выдержавшие в университете особое специальное испытание на звание учителей новых языков в гимназии и достаточно знающие русский язык». Параграф 27 того же устава касался учителей чистописания, черчения и рисования. В нём не оговаривалось, какое именно учебное заведение надо было закончить, чтобы с полным правом занять вышеозначенные должности. На эти места попечитель учебного округа определял людей из числа тех, кто доказал «при испытании в педагогическом совете какой либо гимназии свои специальные познания в означенных искусствах и знание методы их преподавания». Не пожелав вносить в этот пункт что-то конкретное о том, из каких именно образовательных учреждений должны иметь свидетельства кандидаты на должности учителей искусств, составители устава всё-таки определили достаточно высокие требования для претендентов. Ведь получить специальные познания по черчению или рисованию, а уж тем более постичь методы их преподавания, дабы достойно показать себя на испытании в педагогическом совете, можно было только в определённых учебных заведениях, к тому же обладая незаурядными способностями. В параграфе 28 говорилось, что учителя пения и гимнастики должны были определяться в гимназию её директором, а на чем должен быть основан его выбор, в уставе не

говорилось. В уставе 1871 г. испытание на звание учителя вводилось и для тех, кто желал оказаться в числе гимназических преподавателей наук и языков. Наличие одобрительного аттестата об окончании университетского курса оставалось обязательным, требование о прохождении особого педагогического курса исчезло. Для остальных учителей новый устав оставлял старые правила.

Если перейти от общих для всех установок к тому, как они исполнялись в Первой Санкт-Петербургской гимназии, то в этом отношении интересны и показательны следующие факты. Документы свидетельствуют, какое образование было у 44 учителей, служивших в Первой гимназии за пятьдесят лет (1850–1900 гг.). Учитывая, что в этот период там практиковали всего 126 преподавателей¹, мы можем заявить, что нам известен образовательный уровень 35% общего числа учителей интересующего нас заведения. Из 44 педагогов, чьи места подготовки к общественному служению мы знаем, образование в российских императорских университетах получили 24 из них, то есть больше половины. Шесть человек приобрели образование за рубежом и проходили в Российской империи испытание на звание учителя (чаще всего они преподавали иностранный язык). Как минимум три человека пришли в Первую гимназию после занятий в Академии художеств, чтобы преподавать те предметы, которым, согласно гимназическим уставам, должны были учить выпускники подобного заведения. Преподаватели православного Закона Божьего (их двое) имели за плечами обучение в духовных академиях. Только у одного преподавателя из 44 имелось лишь домашнее образование². Если же рассматривать 1899 г., то в Первой гимназии практиковал 21 светский учитель, дипломы только Санкт-Петербургского университета имели 11 из них, то есть больше 50%³. На что это указывает? Во-первых, на то, что всю вторую половину XIX в. главным цензом, по которому определялось, может ли человек быть учителем или нет, был ценз образова-

тельный. Казалось бы, что устав 1828 г. делает главный упор на нравственность, не говоря по поводу образованности ничего конкретного. Но если читать соответствующие статьи внимательно, то получается, что человек, не удовлетворявший университетским требованиям, стать учителем не мог. В последующих же уставах четко указывается, что штатные преподаватели обязаны иметь университетский диплом. Во-вторых, учителей готовили самые лучшие учебные заведения империи. Следовательно, гимназические преподаватели входили в число образованнейших людей своего времени. Программы факультетов (а учителя чаще всего были выпускниками либо историко-филологического, либо физико-математического факультетов) обладали широким диапазоном, поэтому студенты университетов Российской империи имели представление о множестве наук и языков. К тому же нельзя забывать, что в России указанного периода высшее образование не было столь распространенным, как в настоящее время.

Карьерный путь

В результате изучения документов Первой Санкт-Петербургской гимназии выявилось несколько важных тенденции в профессиональной судьбе учителей этого заведения. По всей вероятности, во второй половине XIX в. эти тенденции имели определяющее значение и в жизни педагогов других учебных учреждений.

Значительная часть преподавателей служила в нескольких заведениях одновременно. Довольно часто случались перемещения педагогов из одного учебного учреждения в другое. Далеко не всегда учителей гимназии переводили в другую гимназию. В Первую гимназию могли прислать преподавателя из уездного училища. Педагога могли направить из самой гимназии в специальное училище, например коммерческое, или в какое-нибудь учреждение, управляемое Мариинским ведомством. Учитель мог совмещать службу в Первой гимназии с уроками в других типах средних учебных заве-

дений. Все эти ситуации показывают, что не было таких понятий, как «преподаватель гимназии» или «преподаватель училища». Существовали различные типы учебных заведений, но закрепления преподавателей за каким-либо определённым видом школ отсутствовало. Если выпускник университета определялся в уездное училище, это не значило, что он будет преподавать там всю жизнь⁴. Одно учебное заведение имело возможность собрать в своих стенах преподавателей с самым различным опытом и обеспечить возможность им делиться. Один учитель мог в процессе своей профессиональной деятельности ознакомиться с проблемами и достоинствами нескольких типов учебных заведений.

Судьбы учителей Первой гимназии показали, что люди, занимавшиеся этой профессией, посвящали ей всю жизнь. В Первую гимназию приходили либо недавние студенты, либо педагоги, уже попробовавшие свои силы в других учебных учреждениях. Случаи, когда зрелые люди, занимавшиеся прежде деятельностью, не имевшей отношения к педагогике, неожиданно заинтересовывались ею, автору данной статьи практически не встречались. Учителя довольно редко уходили из Первой гимназии, чтобы занять какую-нибудь канцелярскую должность. Подавляющее большинство педагогов, покидавших упомянутое заведение, становилось учителями в других гимназиях или училищах. Правда, могло так случиться, что вчерашний учитель Первой гимназии мог стать инспектором другого учебного заведения, но, как известно, инспекторы тоже давали уроки. Можно предположить подумать, что преподаватели не могли проявить себя вне педагогике. Однако, возможно, эти люди и не думали о других видах службы. Большинство преподавателей начинало заниматься своей профессией сразу после университета, а случались и раньше (довольно часто студенты давали частные уроки, что не учитывалось в послужных списках), и при этом мало кто из них стремился впоследствии отказаться от обязанностей учителя.

Образ мысли

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. в образовании будущего учителя не уделялось надлежащего внимания педагогической составляющей. Педагогическое образование находилось ещё только в процессе становления. Выпускников учительских курсов, успевших приобрести практический опыт, не могло хватить на всю страну. В лучшем случае преподавателей для гимназий и училищ готовили в тех же учебных заведениях, что и государственных чиновников. Да и само государство считало учителей обыкновенными чиновниками, не выделяя их в особую профессиональную группу. Это мешало педагогам развиваться как профессионалам. Сходство между преподавателями и чиновниками не заканчивалось на том, что они получали образование на одних и тех же факультетах. Учителя продвигались по той же служебной лестнице, что и остальные государственные служащие, получали такие же поощрения, ибо профессиональных наград не было. Сами преподаватели средних учебных заведений чувствовали необходимость создать профессиональную корпорацию. Им нужны были съезды, обсуждающие насущные для учителей проблемы, вырабатывавшие методы совершенствования образования. Но здесь у них на пути стояли представители власти, которых всегда настораживало большое собрание людей в одном месте, пусть даже эти люди и были представителями одной профессии. По поводу одесского учительского съезда, состоявшегося в 1881 г. и обсуждавшего, что было бы полезно усилить симпатии учащихся к русской школе с помощью определённых

мероприятий и уничтожить деление предметов гимназического курса на главные и второстепенные, министр народного просвещения И. Д. Делянов писал попечителю одесского учебного округа Лавровскому, что материалов данного мероприятия печатать ни в коем случае не следует: «... Съезд лучше всего по возможности скорее предать забвению; он должен только служить

указанием, чего следует избегать, если бы подобные мероприятия повторились... Публичность таких съездов ни в коем случае допускаема быть не должна»⁵.

Опасения властей были напрасными. Настоящим педагогам учительские съезды были нужны только для обсуждения исключительно педагогических проблем, а не для поиска новых путей в развитии всего государства. Важная черта дореволюционного учительства заключается в том, что его представители просто хотели повысить качество образования в стране, полагая, что это повлечёт за собой и улучшение ситуации во всей империи, что люди, обученные по-новому, сделают страну счастливее. Об изменении строя или государственных институтов они не говорили не только потому, что это повлекло бы за собой преследование, но и потому, что они это считали неактуальным. Ведь в российских бедах, по мнению учителей того времени, виновата была не столько власть, сколько малое количество образованных людей в государстве. По их мнению, разрушение строя, содержащего в себе несправедливость, не могло привести к улучшению жизни. Гораздо эффективнее было бы сохранить всё лучшее, к чему пришла страна, но при этом удалить из существующих порядков отсталые формы отношений между людьми. Общественный деятель и философ Н. В. Станкевич ещё в 1830-х гг. говорил: «Не надо забывать, что масса русского народа остаётся в крепостной зависимости и потому не может пользоваться не только государственными, но и общечеловеческими правами: нет никакого сомнения, что рано или поздно правительство снимет с народа это ярмо. *Но кто любит Россию, тот прежде всего должен желать распространения в ней образованности*»⁶ (курсив наш. — А. П.). Последняя фраза исключительно верно выражала и стремления тех педагогов, чья деятельность пришлась на вторую половину XIX в. Подавляющее большинство учителей было аполитичными людьми. Советским исследователям дореволюционного образования оставалось се-

товать, что эти люди, несмотря на большие заслуги в педагогической деятельности, не дошли до понимания необходимости революции, её благотворного и преобразующего влияния. В подобных случаях учителей оправдывали тем, что во второй половине XIX в. простым людям ещё можно было обманываться.

Россия второй половины XIX в. являлась государством сословным. Сословие и вероисповедание относились к главным характеристикам личности и чуть ли не в первую очередь заносились в послужные списки. Но несмотря на это, в российских гимназиях вообще и в Первой Санкт-Петербургской гимназии в частности, ни сословной, не религиозной замкнутости не существовало. Гимназические уставы не закрепляли профессию учителя за каким-либо сословием, или за представителями какой-либо конфессии. Педагогом мог стать и православный дворянин, и лютеранин из мещан. В самой Первой гимназии находились на службе представители дворянства, как потомственного, так и личного, выходцы из духовных сословий (причём они являлись учителями не только Закона Божьего, но и древних языков, русской словесности, математики), дети военных, купцов, мещан, иностранцев.

Согласно данным исследователя истории Первой Санкт-Петербургской гимназии А. А. Чухмана, в 1853 г. учителя делились по сословиям следующим образом⁷:

Сословные группы	1853 г.
Из дворян	6
Из духовного звания	2
Из обер-офицерских детей (офицеров от прапорщика до капитана)	4
Из чиновников	1
Из иностранцев, принявших подданство России	3
Из иностранных подданных	3

Автору данной статьи удалось выяснить социальное происхождение 38 учителей, что составляет 30% всех педагогов, преподававших в Первой гимназии в течение

второй половины XIX в., и в результате составить следующую таблицу:

Принадлежность учителей гимназии к разным сословным группам

Сословные группы	Из 38 учителей
Из дворян	14
Из духовного звания	7
Дети людей из военного звания	4
Из купцов	3
Из мещан	7
Из иностранцев, принявших подданство России	1
Из иностранных подданных	2

Во второй половине XIX в. в Первой гимназии среди учителей, несомненно, преобладали дворяне. Однако недвижимого имущества за педагогами-дворянами не числилось, поэтому в плане обеспеченности они не сильно отличались от своих коллег из других сословий. За учебную службу они получали то же жалование, что и остальные преподаватели. Данные таблицы наглядно демонстрируют, что в Первой гимназии происходило общение и сотрудничество представителей различных сословий. Люди разных сословий служили одному делу в одном здании, что исключало сословные привилегии или сословную нетерпимость.

То же самое касается и вероисповедания учителей. Первая Санкт-Петербургская гимназия занимала здесь особенное место, ибо к концу XIX в. в ее стенах преподавали законоучители четырёх конфессий: православный, католик, лютеранин и иудей. Но и остальным предметам учили педагоги, исповедовавшие религию, отличную от господствующей в империи. Автор данной статьи встретил в архивных материалах Первой гимназии упоминание о вероисповедании 42 учителей. Конечно, это всего лишь 33% от всех преподавателей, служивших в Первой гимназии во вторую половину XIX в. Автор учёл только тех, чьё вероисповедание было чётко указано в документах. Полученные данные говорят о многом. Естественно, среди четырех десятков учителей, вероисповедание которых

рассматривается в таблице, нет учителей Закона Божьего.

**Конфессиональная
принадлежность учителей**

Вероисповедание	Из 42 учителей
Православное	30
Римско-католическое	5
Евангелическо-лютеранское	7

Из 5 католиков, преподававших в Первой гимназии во второй половине XIX в., 4 давали уроки по французскому языку и один по математике. Люди, исповедовавшие лютеранство, учили чистописанию, танцам, математике, древним языкам, а также французскому и немецкому языкам. Нет никаких причин полагать, что в других гимназиях и училищах дело обстояло по-другому. Внутри учебных заведений плодотворно трудились и общались люди разных религиозных взглядов.

С учениками ситуация была аналогичной. Даже в Первой Санкт-Петербургской гимназии, которая до 1830 г. являлась Благородным пансионом, доступным только для дворян, во второй половине XIX в. состав учащихся был довольно пёстрым⁸:

**Сословная и конфессиональная
принадлежность учеников гимназии**

Год	1870	1875	1880
Общее количество учеников	282	317	414
<i>В том числе:</i>			
Дворяне и чиновники	225	228	251
Духовное звание	5	16	19
Городские сословия	44	62	131
Иностранцы	2	4	1
Сельское сословие	6	7	12
Православные	240	276	357
Католики	14	14	16
Лютеране	24	16	21
Евреи	3	10	18
Прочие исповедания	1	1	2

На примере Первой гимназии прекрасно видно, что профессия учителя привлекала людей разного происхождения и религиозных взглядов. Человек любого сословия и

вероисповедания мог стать учителем и преподавать интересующий его предмет. Педагоги работали с детьми из различных по статусу и конфессии семей. Все приведённые факты наглядно демонстрируют, что уже во второй половине XIX в. средние учебные заведения имели важнейшее для большой империи значение — они объединяли людей.

Семья

Изученные документы Первой гимназии, относящиеся к 1850–1900 гг., показывают, что учителя этого заведения были привержены семейным ценностям. Автору удалось выяснить, каким было семейное положение у 36 светских учителей, преподававших в Первой гимназии во второй половине XIX в. (это 29% от всех преподавателей наук и языков, дававших уроки в рассматриваемый период). Из них 11 оставались неженатыми весь период своей службы. Правда, 5 из них оставили Первую гимназию в достаточно молодом возрасте, так что, вполне возможно, что через 10 лет, когда они давали уроки в других учебных заведениях, у них уже была многочисленная семья. Про остальных шестерых можно сказать с большой долей вероятности, что семьи у них так и не появились. Они служили в Первой гимназии достаточно долго, но в соответствующей графе формулярного списка неизменно значилось «холост».

Из остальных 25 преподавателей только 7 было женато к 25 годам (это немного, если учесть, что в Российской империи в XIX в. процент ранних браков был достаточно высоким). Правда, из этих 7 учителей дети были у 6. А вот 6 из 25 преподавателей вступили в брак только после 30 лет. Трое человек из этих 6 обрело семью даже после 35 лет. Таким образом, основное количество браков (12) заключалось учителями Первой гимназии, когда им было 25–30 лет. То есть большинство учителей вступали в брак в зрелом возрасте, имея за плечами годы преподавательской деятельности. Видимо, это было связано со стремлением сначала зарекомендовать себя на службе, получить

надёжный источник дохода, чтобы будущая семья могла располагать материальными средствами.

В 21 из этих 25 семей были дети. Родителями вполне могли быть и оставшиеся 4 учителя. Сведения об их детях могли не дойти до формулярных списков, либо, что более вероятно, их семьи пополнились уже тогда, когда они перешли на другое место службы. Все четыре учителя были молоды и недавно вступили в брак. Мы можем сказать, что у 6 учителей на момент службы в Первой гимназии было, как минимум, по одному ребёнку, у пяти — по 2, ещё у пяти по 3, у трёх — 4 и у двух — 5. То есть на 21 супружескую пару приходилось, как минимум 53 ребёнка. Надо сказать, что большинство учтённых автором учительских семей были достаточно молодыми и, скорей всего, количество детей в них ещё увеличивалось. Просто главы некоторых из этих семей уходили служить в другие учебные заведения, и сведения о новых детях по понятным причинам уже не вносились в документы Первой гимназии.

Необходимо отметить, что жалование учителей было для всех этих семей главным, а чаще всего единственным источником средств. Во второй половине XIX в. мужчина — штатный учитель гимназии мог прокормить не только себя, но и жену с несколькими детьми. Конечно, не имея достаточного количества уроков в одной гимназии, учителя служили в нескольких учебных заведениях. Но все равно эти люди зарабатывали деньги только благодаря своей педагогической деятельности, ибо к иным формам труда, как упоминалось ранее, учителя прибегали редко. А могут ли доходы современного учителя содержать семью из 6–7 человек?

* * *

Приведённое выше описание учителя второй половины XIX в. составлено с ориентацией на преподавателей, служивших в Первой Санкт-Петербургской гимназии. И если столичные гимназические учителя являлись людьми вполне обеспеченными, имеющими возможность содержать большую семью, то многие народные учителя жили в бедности. Такая разница влияла на взгляды учителей, как педагогические, так и политические. Кто-то был доволен и существующей властью, и тем, что она делала для образования, а кто-то желал серьёзных перемен и в школах, и в стране. Поэтому не стоит удивляться, что в художественной литературе и воспоминаниях учащихся отразились самые разные образы преподавателей.

Резюмируя, важно отметить, что уже во второй половине XIX в. учителя обладали лучшими качествами современных педагогов: они были преданы делу, достойно выполняли свои обязанности, не мыслили своей деятельности вне стен учебных заведений. Они являлись толерантными личностями и ценили семейный очаг. В то же время в портрете учителя второй половины XIX в. угадывается много черт его современника-чиновника. Но прогрессивные преподаватели уже тогда осознали это явление и, понимая, что оно может в значительной степени замедлить развитие педагогической мысли, начали бороться с уравнивающим подходом. Выделение учителей в особую профессиональную группу в большой степени было вопросом времени, как бы представители власти не старались его замедлить, видя в нём опасность для существующего порядка. И в XXI век Россия вошла, имея развитое и в то же время готовое к усовершенствованиям педагогическое образование.

Примечания

1. Соловьёв Д. Н. Пятидесятилетие Первой Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1880. С. 434–454.
2. Подробнее см.: Прохоренков А. А. Преподавательский состав Первой Санкт-Петербургской гимназии во второй половине XIX века: Магистерская диссертация. СПб., 2009. С. 19–21.
3. ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 8198. Л. 8–15.

Российский учитель второй половины XIX века...

4. В частности, во второй половине XIX в. до поступления на службу в Первую гимназию 8 человек преподавали в уездных училищах, а 5 — в реальных (*Прохоренков А. А.* Указ. соч. С. 36). В действительности таких учителей могло быть и больше. К сожалению, сведения удалось выявить только о 31 из 126 учителей, работавших в это время в данной гимназии.

5. Цит. по: *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1950. С. 72.

6. *Семёнов Д. Д.* Педагог-идеалист 40-х годов // Русская школа. 1894. № 2. С. 14.

7. *Чухман А. А.* Очерки по истории 321 средней школы. СПб., 2000. С. 10.

8. *Соловьёв Д. Н.* Указ. соч. Приложение VI.